

СЕРГЕЙ
САМАРОВ

СПЕЦНАЗ

ГРУ

СТАЛЬНАЯ УЛИКА

**Москва
2022**

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С17

В коллаже на обложке использованы фотографии:
© Krakenimages.com, K_E_N,
Artyem_Kharchenko / Shutterstock.com
Используется по лицензии от Shutterstock.com

Самаров, Сергей Васильевич.

С17 Стальная улика / Сергей Самаров. — Москва :
Эксмо, 2022. — 320 с. — (Спецназ ГРУ).

ISBN 978-5-04-165017-9

Тот, кто напал на капитана спецназа Владимира Варфоломеева в темном переулке, знал, на что идет. Офицер оказался начеку: бандит получил достойный отпор и трусливо отступил. Однако в этот же вечер Варфоломеев был арестован по подозрению... в убийстве нападавшего. На ноже, которым тот был убит, оказались отпечатки пальцев Владимира. Ни уни- зительный допрос в райотделе полиции, ни подозрительное стечение обстоятельств не сломили спецназовца. Он решил самостоятельно выяснить, кто пытался его убить и не связано ли это происшествие с его недавней неудачной командировкой на Кавказ...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Самаров С.В., 2022
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2022

ISBN 978-5-04-165017-9

ПРОЛОГ

— Товарищ старший лейтенант, у нас же, — рядовой Звягинцев посмотрел на наручные часы, — последние сутки командировки пошли.

— Ну и что? Я знаю. И всегда, кстати, знал, что последние сутки командировки когда-то должны наступить. Ничего бессрочного не бывает. Все в этом мире имеет свое начало и свой конец.

— Через двадцать три часа сорок пять минут будет ровно шесть месяцев, как мы в Дагестане. Конец командировки.

Старший лейтенант Сергеев тоже посмотрел на свои часы, предварительно, как и солдат, отодрав с них липкую ленту, а потом наклеив ее снова.

— У твоих часов двух камней не хватает.

— Это почему? — не понял рядовой. Видимо, не был знаком с этой расхожей шуткой.

— На один камень часы положить, а другим сверху ударить. Они у тебя на четыре минуты

вперед бегут. В боевой обстановке неточное время может тебя когда-нибудь подвести. Или, что еще хуже, ты сам можешь подвести кого-нибудь, кого должен будешь выручить в строго назначенный момент.

— Понял. Часы постараюсь сменить. А что с командировкой?

— А ты что хочешь, в самом начале боя бросить дурную привычку стрелять в бандитов и пешим маршем, под боевые бравурные песни возвращаться в военный городок? Бандиты, думаю, тебе «громадное спасибо» за такое нововведение в армии скажут.

— Так что, до конца будем операцию проводить?

Солдату, видимо, нужно было все разжевывать и в рот класть. Бывают такие особо одаренные люди, и они встречались Сергею Николаевичу.

— Долго тебе суть объяснять придется... — отмахнулся Сергеев и дал короткую отсеченную очередь из автомата в неудачно высунувшуюся из-за камня голову бандита.

Сам бандит, видимо, думал, что он высунулся удачно, потому что желал посмотреть вперед не над скрывавшим его камнем, а сбоку в самом низу, рядом с землей, и надеялся остаться невидимым в вечернем сумраке. Но он, видимо, не знал, что

спецназовцы имеют на автоматах прицел «Шахин», снабженный тепловизором, улавливающим все тепловые тела и делающим из них превосходную мишень. И хотя бандит, надо полагать, думал высунуть голову только на пару секунд, но, всматриваясь в темноту, задержался дольше. И Сергей Николаевич успел послать в его голову две пули. Возможно, и еще кто-то из бойцов стрелял по той же мишени. Один фонтанчик земли рядом с этой любопытной головой командир взвода увидел. Такой фонтанчик поднимается, когда в землю попадает пуля. А в отсеченной очереди автомата «АК-12» два патрона. Но второго фонтанчика не было. По крайней мере, старший лейтенант его не заметил. Следовательно, логично было предположить, что вторая пуля цель нашла и в голове бандита вместо двух пулевых отверстий имеются три. Но это было не суть важно, главное, что бандит убит. Сергеева беспокоило то, что голова вдруг резко пропала, вместо того чтобы обессиленно упасть рядом с камнем. Значит, за камнем прятался еще кто-то, и он за ноги дернул на себя тело убитого, чтобы не мешало вести бой. А возможно, за камнем остались даже два бандита. Потому что одному так резко втащить тело в непростреливаемую зону сложно. Тем более размеры камня позволяли

за ним спрятаться не только двоим, но и троим, и даже, возможно, четверым, хотя такое количество бандитов, спрятавшихся за одним камнем, маловероятно. Тогда чьи-то ноги наверняка выставались бы из-за камня и могли бы служить мишенью для бойцов взвода, расположившихся левее старшего лейтенанта. Особенно для снайпера сержанта Алексея Нассонова, который не любит упускать свою добычу. А стреляет Нассонов из крупнокалиберной дальнобойной винтовки «Корд», способной при попадании в корпус человека сбоку разрубать тело пополам. Там же, рядом со снайпером, разместился заместитель командира взвода старшина контрактной службы Сережа Кондратенко, который тоже не большой любитель оставлять бандитов в живых. А чуть ближе к командиру выбрал себе позицию командир второго отделения младший сержант Цыремпил Доржиев, сын и внук пастухов и охотников, который спал с охотничьим карабином еще в детской люльке, а сейчас был лучшим стрелком бригады спецназа военной разведки.

Зная, как умеет стрелять Цыремпил, старший лейтенант отдал команду по средствам связи:

— Напротив меня большой валун. Всем видно? Он у правой скалы у входа в ущелье.

— Видим, товарищ старший лейтенант... Видим... — ответил нестройный хор голосов в наушниках, интегрированных со шлемом.

— Нассонов, посмотри, может кто-то конечность вытянул. Доржиев, поддержи снайпера.

— Есть посмотреть... — отозвался снайпер.

— Есть поддержать... — ответил командир второго отделения.

Старший лейтенант и сам перевел ствол автомата в верхнюю часть камня, чтобы видеть в прицел пространство за ним, и заметил краем глаза, как сделал то же самое рядовой Звягинцев. По крайней мере, так Сергеев понял короткое движение его ствола. При этом сам Сергеев мысленно не забывал отсчитывать пресловутые секунды до выстрела снайпера. Вообще-то, снайперу отводится на прицеливание три секунды. Но Сергей Николаевич уже довел счет до четырех, когда понял, что сержанту Нассонову требуется еще найти ту конечность, если, конечно, она будет высовываться из-за камня.

— Что там, Нассонов? — спросил Сергеев, поторапливая снайпера, неторопливого и невозмутимого по жизни человека, то есть такого, каким снайпер и должен быть в идеале.

Но сержант не ответил. Вместо него прогрохотала винтовка «Корд», звук от выстрела которой прокатился по ущелью грозным эхом, заглушившим лязганье затвора автомата младшего сержанта Доржиева. А сам старший лейтенант Сергеев, наблюдая за камнем, успел заметить, как из-за него откинулся на спину бандит с оторванной ниже колена правой ногой, зажимающий остаток ноги двумя руками, но жил он недолго, потому что на неприкрытой бронезилетом груди бандита взметнулись два кровавых фонтанчика — это стрелял командир второго отделения, а следом и еще несколько точно таких же фонтанчиков взметнулись рядом на его груди и на голове. На сей раз стрелял рядовой Звягинцев из соседнего с командирским окопа.

Сам Сергеев не стрелял, как и другие бойцы взвода, полагаясь на умение Нассонова и Доржиева. В это время прозвучал второй выстрел «Корда». Зная точность стрельбы Нассонова, Сергеев не сомневался, что еще одним бандитом стало меньше. Старший лейтенант поднес к глазам бинокль — все-таки тепловизор бинокля, хотя и не дает такого приближения, как прицел, однако имеет больший угол обзора и позволяет увидеть, где лежит убитый снайпером бандит,

если только он не упал за камень сам или его до этого камня не дотащили сообщники. Но найти убитого старший лейтенант Сергеев не успел.

— Товарищ старший лейтенант, — торопливо сказал по связи старшина контрактной службы Кондратенко. — Нассонов, кажется, ихнего эмира «снял». Эмир на открытое место выскочил, ножом стал размахивать и что-то кричать на родном языке. Я не сумел толком разобрать, что именно. Язык еще плохо знаю. Да в тепловизоре многое еще смещается. Расплывается лицо, короче...

Сергеев знал, что Кондратенко умеет читать речь по губам. И еще командир взвода знал, что старшина изучает арабский язык. Выбор языка Сергеев одобрял и был даже рад, что Сергей Кондратенко изучает арабский, потому что большинство бандитов общались между собой именно на нем.

— Что-то, тем не менее, понял?

— Понял, что он в рукопашку пойти всех зовет, пока их поодиночке не «перещелкали». Последнее слово он по-русски произнес. Я правильно понял...

Старший лейтенант Сергеев прикинул силы. У него во взводе было двадцать семь бойцов, не считая его самого. Бандитов, учитывая их поте-

ри, осталось около тридцати человек. Силы почти равны, но спецназ военной разведки имеет преимущество, во-первых, за счет значительно уменьшения количества противников во время сближения, то есть во время атаки банды, а во-вторых, за счет тренированности в рукопашке, которую бойцы особенно любят, как прикладную систему, дающую им некоторые навыки, которые могут пригодиться и в гражданской жизни, то есть после окончания службы.

— Внимание всем! — сказал Сергей Николаевич в микрофон. — Бандиты готовятся к прорыву. Наша задача — не допустить прорыва. Ни один человек не должен пройти дальше нашей цепи. Начинаем стрелять, как только поднимутся. Необходимо максимально уменьшить общее количество бандитов. Дальше — всем приготовить МСЛ¹. Вступаем в рукопашный бой. Не забывайте помогать друг другу... Это не тренировка с резиновыми ножами и лопатками.

¹ МСЛ — малая саперная лопатка. Традиционное оружие спецназа, сочетающее в себе и топор, и нож, и штык одновременно. В спецназе военной разведки даже изучают отдельную дисциплину — «фехтование на саперных лопатках». Обычно лопатка носится в специальном чехле за спиной бойца и в случае необходимости легко достается одним движением руки.

Старший лейтенант и сам вытащил свою малую саперную лопатку и подушечкой большого пальца проверил боковую грань на остроту. Лопатку он всегда оттачивал сам, никому не доверяя ее заточку, хотя знал, что многие командиры взводов передоверяют эту работу своим заместителям, а те уже, в свою очередь, — солдатам, не забывая их предупредить, что лопатка командира взвода. Так, считалось, повышается ответственность бойца. Но о какой можно говорить ответственности, если, скажем, лопатка сегодня уже использовалась — старший лейтенант Сергеев рыл ею для себя окоп. Поэтому он и проверил на остроту только боковые грани, не проверяя грань штыковую, хорошо понимая, что бить лопаткой, как штыком, сегодня не следует. Использовать ее можно преимущественно как боевой топор. В умелых руках, если вкладывать в удар всю силу, МСЛ прорубает традиционный шлем, который с близкого расстояния не берет даже пистолетная пуля.

Сергей Николаевич положил лопатку перед собой на бруствер окопа, чтобы при необходимости можно было взять ее и выскочить наружу. Рядом с лопаткой он пристроил пистолет, чтобы и его пустить в действие в случае необходимо-

сти. А пока, в ожидании атаки бандитов, взялся за автомат.

Бандиты не заставили себя долго ждать. Нашелся, видимо, человек, который вместо убитого эмира взял на себя общее командование. Но сам пока не показывался, командовал из-за камня. Из этого старший лейтенант сделал вывод, что заместитель эмира или излишне бережно относится к своему брэнному телу, или же бережет от пули кого-то другого, важного для себя человека. Но этот вопрос Сергея Николаевича пока мало волновал.

Прозвучала команда, и банда поднялась в атаку. Бандиты бежали вперед несколькими кучками, видимо, как прятались за большими камнями, так и не успели рассредоточиться, или же сыграл свою роль стадный инстинкт. Когда-то давно, еще в военном училище, преподаватель по тактике объяснял значение этого инстинкта. Стадо быков, на которое нападает лев, стремится сбиться в кучу, но не потому, что так удобнее защищаться, а потому, что в каждом живом теле существует надежда, что зверь нападет на соседа, а не на него. Точно так же порой ведут себя плохо подготовленные вооруженные формирования. Бойцы, подобно быкам, сбиваются

в кучи, вместо того чтобы рассредоточиться, и так атакуют...

Сергеев выбрал кучу бандитов, что была к его окопу ближе, и стал посылать в нее очередь за очередью. То же самое, как успел заметить старший лейтенант, делал и рядовой Звягинцев, и другой рядовой, что расположил свой окоп слева от командира взвода. Три автомата быстро закончили работу и переключились на соседнюю кучку бандитов, что тоже бежала почти в их сторону. При этом сами бандиты не имели возможности определить, откуда в них стреляют, и хотя бы приблизительно назвать общее количество обороняющихся, поскольку самих выстрелов слышно не было за сплошным лязганьем затворов, а глушители добротнo выполняли функцию пламегасителей.

Атака банды была истеричной и плохо подготовленной, и было неясно, почему банда не отступила и просто не ушла на сопредельную территорию Грузии, в район компактного проживания чеченцев-кистинцев, откуда пришла, или хотя бы на территорию соседнего Азербайджана, откуда иногда приходят другие банды. Могло быть что угодно — и перекрытие пограничниками возможных путей отхода, и категоричный

приказ прорваться в глубину Дагестана, чего бы это ни стоило. А ведь бандиты даже не знали количество своего противника. Они только могли предположить, что выход из ущелья перекрывается ограниченными силами нескольких бойцов, скажем, одного рассредоточившегося широко отделения. И это отделение усилено антиматериальной¹ снайперской винтовкой «Корд». А винтовку они просто мечтали захватить. Банде, имеющей на своем вооружении антиматериальную винтовку «Корд», сам черт не страшен.

Пошел ли вместе со всеми в наступление новый эмир, Сергеев не знал. Но это его мало интересовало. У него была задача — не пропустить в глубину Дагестана ни одного бандита, и эту задачу он должен был выполнить.

Бандиты не осознавали того, что несли большие потери и им грозит полное уничтожение. Просто не видели этого, потому что не имели тепловизоров. До окопов отдельного взвода спецназа военной разведки едва-едва добежала

¹ Дальнобойная крупнокалиберная винтовка «Корд» считается антиматериальной, потому что в состоянии уничтожать материальные средства противника — легкую бронетехнику, стоящие на земле вертолеты и самолеты, РЛС разного уровня и предназначения.

только четверть всей банды. А уже около самих окопов группу накрыл гранатомет, сваливший на крутой склон, который они только что преодолели, еще четверых бандитов.

Старший лейтенант услышал, как гранатометчик сказал в микрофон своего шлема:

— Все быстро залегли. Я их гранатой накрою... Кто не спрятался, я не виноват!

До этого момента он сидел в своем окопе и вместе со своим вторым номером ремонтировал гранатометный прицел, слегка поврежденный шальной бандитской пулей. Он еще не сделал по бандитам ни одного выстрела, потому они, наверное, и подумали о слабости заслона.

— Завершил ремонт? — строго спросил Сергеев.

— Никак нет, товарищ старший лейтенант. Без прицела стрелял. Прямой наводкой. На ремонт еще полчаса требуется, — браво ответил гранатометчик.

Сергей Николаевич ничего не сказал, он с лопаткой в правой руке и с пистолетом в левой первым бросился к четверке оставшихся на ногах бандитов. Они после крутого подъема, который им пришлось преодолеть, дышали тяжело. И Сергеев решил воспользоваться этим момен-

том, дающим возможность добиться победы без жертв среди бойцов взвода. Жертвы в личном составе всегда обидны, а в последний день командировки обидны вдвойне или даже втройне. И без того в госпитале в Моздоке лежали три бойца взвода. Это уже было значительной потерей, и не хватало только взводу дополнительных потерь.

— Сдавайтесь! На колени! — крикнул Сергеев бандитам.

— Аллаху акбар! — только и воскликнул в ответ ближайший к старшему лейтенанту бандит и поднял перед собой на уровень лица Сергеева длинный нож-кукри¹, за что сразу поплатился, получив пулю в волосатую грудь. Бандит упал, и только луна ярко отражалась в его недавно выбритой лысине.

Сергеев переступил через упавшего и шагнул навстречу трем оставшимся в живых бандитам. Все трое понимали, что жить им остались какие-то секунды, но умирать на коленях они не желали, и Сергеев, увидев перед собой три выставленных вперед ножа, дважды выстрелил из пи-

¹ Нож - кукри — национальный нож, используемый непальскими гуркхами. Клинок кукри имеет характерный профиль «крыла сокола» с заточкой по вогнутой грани.

столета и при этом сделал кистью второй руки, в которой держал лопатку, вращательное движение и попросту перерезал сухожилия третьему бандиту рядом с самой его кистью. Нож упал к ногам старшего лейтенанта, а бандит схватился второй рукой за поврежденную руку, пытаясь остановить кровь. Автомат у бандита остался за плечом, но он понимал, что при попытке прикоснуться к нему его ждет либо одна пуля из пистолета командира взвода, либо несколько из автоматов окруживших его солдат спецназа.

Поскольку бандит пытался остановить кровотечение и не желал прикасаться к автомату, чтобы не быть убитым, старший лейтенант сделал вывод, что этот человек не желает умирать, как его товарищи, и из него можно сделать ценного «языка», которого не грех допросить и узнать у него что-то важное.

— Где тот человек, что объявил себя эмиром, где он? — резко спросил Сергеев. — Санинструктор! — тут же позвал он.

— Я, товарищ старший лейтенант.

Взводный санинструктор шагнул из толпы к командиру взвода. На боку у него висела сумка с красным медицинским крестом в белом круге. Пленник жадно смотрел на эту сумку.

— Перевяжи ему руку. И укол поставь для сворачивания крови...

Пленник показал, что отлично понимает русский язык, и протянул санинструктору руку.

— Где новый эмир? — повторил Сергеев свой вопрос, рукой с пистолетом, как шлагбаумом, временно перекрывая санинструктору дорогу к пленнику.

Пленник понял, что убивать его не собираются. По крайней мере, пока. А для человека, уже простившегося с жизнью, каждая лишняя секунда этой жизни является подарком небес.

— Там... — здоровой рукой он указал в ущелье, по которому пришла банда. — За камнем прячется. В атаку он не пошел. Бережет себя. Сейчас, наверное, уже убежал...

— Кто с ним? Сколько человек?

— Двое. Один — его помощник. Второго я не знаю. Его надо было до Махачкалы доставить. Судя по внешности, европеец, а по манере поведения — американец.

— В чем их различие?

— Американцы ведут себя наглее и обычно одеваются крикливо. Но этот одет аккуратно, как европеец.

— Потому и шли сюда? Из-за него.

— Да.

— Что за человек?

— Я же говорю, не знаю. По-арабски разговаривает свободно. По-английски тоже. И по-немецки, и по-французски, и даже по-итальянски. Образованный, похоже...

— Откуда знаешь?

— В Грузии посещали американскую лабораторию. Там специалисты из разных стран — все натовские. Он с ними разговаривал. Мы ничего не поняли. Но я на слух определил, что он разговаривал на разных языках.

В это время Сергеев услышал шум вертолетного двигателя в небе.

— Кондратенко! — позвал командир взвода.

— Я! — шагнул вперед из заднего ряда старшина контрактной службы.

— Вертолет нам смену несет. Срочно найди большую площадку для посадки «МИ-26». Судя по звуку, именно он летит. Выставь людей с фонарями. Объясни, что светом показывать. Короче, ты все знаешь сам... И поторопись. Вертолет уже близко, — старший лейтенант поправил на шлеме микрофон. — Остальным готовиться к погружке. Пленного берем с собой. Ему в госпиталь

надо срочно. Сухожилия сшить. Охрану к нему приставить.

Пленник внимательно слушал. Судьба его жизни, судя по всему, уже решилась. И теперь решался вопрос: будет ли работать его рука? А это было для него важно...

* * *

Собрались быстро. Экипаж вертолета молча выслушал мнение о необходимости посетить военный городок спецназа, где была собственная медицинская часть. После чего на земле остался только Сергеев, объяснявший что-то командиру нового взвода лейтенанту Самохвалову. Но вскоре и он заскочил в вертолет. Машина сразу взлетела, поскольку стояла с работающими двигателями.

Сергеев сразу принялся на офицерском кожаном планшете писать рапорт о проведенной операции. Иначе ему пришлось бы потом набирать этот рапорт на компьютере и отправлять один экземпляр в штаб отряда, второй — в штаб собственной бригады по электронной почте. Но старший лейтенант печатал медленно и потому предпочитал писать вручную, так получалось и быстрее, и более грамотно. А почерк у Сергеева

был разборчивый, хотя и мелкий. Но у начальника штаба сводного отряда майора Одуванчикова зрение хорошее, он еще и очки не носит — разберет.

По воздуху до военного городка добрались быстро. Пилоты, видимо, сообщили о своей посадке и о своем грузе диспетчерам, а те, в свою очередь, в штаб, дежурному. По крайней мере, машина армейской «скорой помощи», как звали ее в отряде, подъехала к вертолету сразу после посадки, и первым из нее выскочил начальник штаба отряда майор Одуванчиков, удививший командира взвода тем, что не спит еще в такое позднее время. Пока вертолет заправляли горючим и потому всех, кроме членов экипажа, высадили на летное поле, старший лейтенант в общих чертах рассказал майору об удачной операции и о том, что он отправил за новым эмиром и сопровождающими его людьми погоню из состава нового, уже уставшего отдыхать взвода, и вручил начальнику штаба свой рапорт в рукописном варианте.

— Вместе с вами полетит капитан Варфоломеев. Вы же из одной бригады. Слышал, я думаю, его историю...

— Слышал, товарищ майор. Мы же даже из одного батальона. И в Сирию с ним вместе отправлялись. И в одну историю там вместе вляпались. Вы же ее должны знать из наших характеристик. Короче говоря, давно и хорошо знакомы. Жалко его. Человек ведь армии почти всю жизнь отдал. А теперь что — трибунал...

— Ничего не могу поделать. Я и так написал ему характеристику — хоть завтра в маршалы его... Самому жалко... Боевой офицер. Грамотный.

Капитан Варфоломеев командовал в сводном отряде разведротой, сменившей по ротации роту, которой некогда командовал тогда еще капитан Одуванчиков. Самому Одуванчикову присвоили звание майора, прежнему начальнику штаба майору Смурнову дали подполковника и поставили командовать отрядом взамен получившего серьезное ранение подполковника Репина, и оставили Смурнова и Одуванчикова на четырехмесячный испытательный срок в отряде... А тут как раз в период испытательного срока новых командира отряда и начальника штаба произошла история с капитаном Варфоломеевым, который расстрелял бандитов вместе с главой сельской администрации, посчитав его со-

участником преступлений и членом банды. А он, как потом оказалось, был просто захвачен бандой в качестве заложника. Теперь Варфоломееву грозил трибунал и обязательное разжалование, как говорили, в рядовые. И исполняющий обязанности начальника штаба майор Одуванчиков, наплевав на свой испытательный срок, написал капитану Варфоломееву хвалебную характеристику.

— Ты уж это... Поаккуратнее с Володей... Не напоминай ему лишнего... Он и без того... Сам понимаешь... — напутствовал Сергеева майор Одуванчиков.

— Я постараюсь, товарищ майор... Мы же с ним друзья...

* * *

До Каспийска капитан Варфоломеев летел в самой дальней стороне салона большого вертолета и не желал приближаться ни к Сергееву, ни к бойцам его взвода. Сергей Николаевич понимал его состояние и думал, что он будет держаться в отдалении и в самолете спецрейса, которым взвод возвращался к себе в бригаду, и потому сам на разговор с Варфоломеевым не напрашивался. Но капитан, поднявшись по

трапу в самолет, осмотрелся, прошел в середину салона и занял место рядом со старшим лейтенантом. Видимо, на душе у него накопело, и он желал хоть с кем-то поговорить на волнующую его тему, чтобы сбросить, как говорится, лишний пар. И для этой цели он избрал не солдат-срочников или солдат-контрактников, а того, кого считал равным себе, а именно — старшего лейтенанта Сергеева. От Варфоломеева пахло спиртным, а в состоянии подпития человека тем более тянет на откровенность

— Ну что, Сереня... — сказал Варфоломеев, ставя себе на колени свой рюкзак и развязывая его. — Примем, что ли, за нелегкую нашу службу...

Он движением циркового фокусника вытащил из рюкзака бутылку водки и, уцепившись зубами за пробку, резким поворотом головы сорвал ее с горлышка.

— Извини, Володя, не употребляю. Вообще то есть не употребляю. Да и ты раньше, кажется, не пил.

— Брезгуешь, что ли, со мной выпить? — Варфоломеев спросил тоном человека, которому не терпелось поскандалить. По крайней мере, вызов в его словах прозвучал отчетливо.

Но Сергей Николаевич был настроен мирно и на скандал не нарывался. Он даже измученно улыбнулся Варфоломееву и сказал успокаивающе:

— Ты пей, Володя, сам. Тебе одному-то, наверное, сейчас бутылки мало.

Но капитан не унимался.

— А ты за меня не решай, сколько мне пить! Захочу — и не буду... — Он вытянул перед собой руку с бутылкой и стал выливать водку в большой карман чехла кресла перед собой, в кресле сидел старшина Кондратенко. В кармане чехла лежал в сложенном состоянии столик, который можно было бы потом установить в подлокотники кресла капитана Варфоломеева, но пока это капитана не волновало. А водка по поверхности столика стекла, минуя само кресло, на пол, и коврик под ногами сразу впитал ее, издавая отчетливый характерный запах спиртного.

Услышав за спиной бульканье выливаемой водки, замкомвзвода обернулся, но тут же уловил успокаивающий взгляд своего командира взвода и отвернулся. Капитан не заметил, что замкомвзвода обернулся, из чего Сергеев сделал вывод, что Варфоломеев в самом деле основательно пьян — офицер спецназа военной раз-

ведки, даже если выпил, обязан контролировать ситуацию вокруг себя. А Варфоломеев и этого сделать был не в состоянии.

— Чего смеешься? Надо мной смеешься?

— Я не смеюсь, а просто улыбаюсь... — Сергеев в самом деле улыбнулся. — Забавно будет завтра в туалете мой старшина пахнуть!

— А? — спросил Варфоломеев и, упираясь двумя руками к подлокотники кресла, приподнялся, чтобы заглянуть в кресло перед собой. — Да ну и хрен с ним, пусть пахнет хоть на неделю вперед... А у меня еще бутылка есть. Будешь?

— Извини, Володя, не употребляю... — повторил Сергеев и с удовольствием отметил про себя, что Варфоломеев закрыл глаза, устроился поудобнее, ввинтив зад в кресло, и тихо засопел, засыпая...

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Старший лейтенант Сергеев *НОВОЕ НАЗНАЧЕНИЕ*

После возвращения взвода из Дагестана прошли две с половиной недели.

Старший лейтенант Сергеев отправился на рейсовом автобусе в штаб бригады, чтобы твердо истребовать для себя положенный отпуск, который по какой-то причине все никак не давали. В штабе батальона Сергееву объяснили, что задержка вызвана каким-то особым мнением штаба бригады.

— Кому-то там ты, похоже, дорогу перешел... — сказал начальник штаба батальона майор Косолапов. — Колись лучше сразу, с кем повздорил. Может, я сумею за тебя слово замолвить.

— Да вроде бы ни с кем не ругался... — пожал плечами командир взвода.

— Короче говоря, мой рапорт относительно твоего отпуска давно уже в штабе бригады ле-

жит. Если что, можешь прямо на меня ссылаться. Отпуск тебе после твоей боевой командировки положен по закону однозначно. Будем настаивать... Удачи!

Штаб бригады — большое бюрократическое образование. И старший лейтенант даже не знал, к кому ему следует в первую очередь обратиться, и потому сначала зашел к дежурному по штабу.

Дежурный офицер с погонами майора рылся в кипе каких-то бумаг, наваленных на его столе позади высокой стойки. Но стоило старшему лейтенанту назвать себя, как у дежурного загорелись глаза.

— Ну вот... На ловца, как говорится, и зверь бежит.

— Я, вообще-то, не зверь, а человек, офицер к тому же... — тихо возразил Сергей Николаевич, но дежурный его не слушал. Старший лейтенант знал, что есть самовлюбленные люди, которые только себя и слушают и при этом обычно много говорят сами. Майор был, видимо, как раз из таких.

— А мне приказали срочно тебя найти. Я только собрался звонить к вам в батальон. Номер вот искал. Короче, иди напрямую к начальнику шта-

ба, он тебя ждет. Я сейчас ему позвоню, предупрежу... И еще — потише с ним, лютый он сегодня чрезмерно.

Из-за стойки дежурного старший лейтенант вышел в легкой растерянности, лихорадочно пытаясь вспомнить, что он такого натворил, что его сам начальник штаба бригады вызывает, однако ничего предосудительного за собой не вспомнил и быстрым шагом стал подниматься вверх по ступенькам лестницы.

Начальник штаба бригады спецназа военной разведки — полковник Добровольский, офицер предпенсионного возраста, был в полном соответствии со своим возрастом и званием, которое, как он сам считал, многое ему позволяет, ворчливым человеком. И об этом в бригаде знали все военнослужащие. Даже солдаты срочной службы, которые старались лишний раз не попадаться ему на глаза, потому что полковник всегда находил, к чему придраться. Одного писаря он, как рассказывали, заставил трижды перечисать берцы, а потом заставил чистить берцы всей комендантской роте, чтобы знал, как в следующий раз ходить в грязной обуви. А писарю до демобилизации оставалось служить, как он сам рассчитывал, неделю, но эта неделя растянулась

волей начальника штаба на два месяца. И вот этот полковник Добровольский, будучи сегодня лютым, как предупредил дежурный по штабу, жаждал увидеть у себя в кабинете старшего лейтенанта Сергеева. Жила в старшем лейтенанте надежда, что полковник не заставит его чистить берцы всему отдельному взводу, что находился в его подчинении.

На третьем этаже Сергей Николаевич постучал в дверь приемной, потом вошел. За компьютером на приставном столике сидел и набирал какой-то текст адъютант командира бригады в таком же звании, как и Сергеев. Адъютант — не боевой офицер, но тоже носил, не снимая, наколенники и налокотники. И даже, как поговаривали другие офицеры, неплохо умел стрелять из пистолета, что доказывал, когда офицеров вывозили на автобусе в гарнизонный тир. Правда, с автоматом адъютант справлялся гораздо хуже и на общем стрельбище не всегда даже попадал в мишень. А в боевых условиях офицерам чаще приходится иметь дело с автоматом, чем с пистолетом. Короче говоря, Сергеев относился к адъютанту без симпатии. Тот отвечал командиру отдельного взвода той же самой монетой.

— Меня начальник штаба вызвал, — сказал Сергеев.

Адъютант только плечами пожал.

— Проходи... — И через плечо показал оттопыренным большим пальцем на правую дверь, обитую дерматином.

Сергей Николаевич сначала постучал, хотя знал, что дверь двойная и его стук, скорее всего, не будет услышан туговатым на ухо в силу возраста полковником. Потом вошел в промежуток между дверьми и постучал снова — теперь уже во внутреннюю дверь, услышав приглашение, хотя и не разобрал самих слов, вошел, и сразу же, вытянувшись по стойке «смирно», доложил:

— Товарищ полковник, старший лейтенант Сергеев по вашему приказанию прибыл.

— Заходи, старлей, присаживайся, — полковник указал на стул. Предупреждение дежурного по штабу о том, что полковник сегодня лют, оказалось ложным, и на сердце Сергея Николаевича сразу стало легче. Впрочем, он мог быть лютым по отношению к кому-то другому, но появлению Сергеева почти обрадовался, как показалось самому старшему лейтенанту.

— Короче, старлей, дело у нас такое. Тебе когда очередное звание получать?

— Через месяц, товарищ полковник. — После этого вопроса Сергеев уже почувствовал, к чему идет дело. Но дело пошло дальше его ожиданий.

— Ну, месяц — это по большому счету вовсе и не срок. Ты в курсе, что произошло с капитаном Варфоломеевым?

— Так точно. Мы вместе прилетели из Дагестана. В одном самолете. А до этого в одном вертолете летели. — Про пьяные выкрутасы капитана Сергей Николаевич предпочел полковнику не рассказывать, хотя в самолете старшине Кондратенко пришлось пересесть в свободное кресло на другом ряду, поскольку его оказалось сильно подмоченным водкой Варфоломеева — не вся бутылка, видимо, пролилась сквозь карман для столика. Полковник Добровольский вообще относился строго к любой пьянке, даже обоснованной, как в случае в капитаном.

— А как ты сам, старлей, к Варфоломееву относишься?

В глазах полковника на какую-то секунду промелькнуло любопытство, но оно не осталась незамеченным старшим лейтенантом. И он решил сказать то, что думал:

— Толковый боевой офицер. Мы с ним вместе в Сирию летели, одним бортом, вместе и в плен

к бандитам угодили. Воевали рядом. Жалко его. Что же теперь с капитаном будет...

— Что заслужил, то и получил. Его, грубо говоря, характеристика начальника штаба сводного отряда выручила. Трибунал учел заслуги капитана и его боевые награды, хотя сначала думали его разжаловать в рядовые и уволить из армии. Но прямо на заседании трибунала была зачитана характеристика, в результате чего капитана только понизили в звании и должности, разжаловали, стало быть, в старшие лейтенанты и оставили на службе. Сам приговор трибунал только на днях зачитает. Но мне уже решение сообщили. И теперь ты, старлей Сергеев, будешь командовать ротой вместо Варфоломеева, а он будет командовать у тебя в роте взводом. Возьмешь себе офицера с судимостью?

— Так точно, товарищ полковник, возьму, — радостно воскликнул Сергеев, но радовался он не столько за себя, за свое повышение по службе, сколько за Варфоломеева, который так легко отделался. На радостях старший лейтенант забыл даже о поводе, который привел его в штаб бригады, то есть о своем отпуске.

— Приказ по бригаде уже готовится, а звание тебе Москва даст. Это не наша прерогатива, — сообщил полковник. — Все. Можешь идти...

* * *

О своем отпуске и даже о том, что уже звонил домой родителям с сообщением о предстоящем приезде, старший лейтенант Сергеев вспомнил только тогда, когда уже сел в рейсовый автобус, чтобы ехать к себе в батальон, а автобус тронулся с места. Возвращаться снова в штаб не хотелось — примета нехорошая возвращаться. Будь он на своей машине, он вернулся бы, но машина стояла в гараже, а Сергей Николаевич из-за недостатка времени утром не пожелал делать круг, чтобы добраться до гаража. Он вообще изначально не планировал поездку в штаб бригады. Это его начальник штаба батальона майор Косолапов подбил, словно заранее знал о ждущем старшего лейтенанта сюрпризе. Но, вполне возможно, майор и заранее знал о повышении Сергеева, о чем говорили его хитрые взгляды, время от времени бросаемые на старшего лейтенанта. Кроме того, наверняка начальник штаба бригады запрашивал мнение своего коллеги из батальона о Сергее Николаевиче и тот был

в курсе изменений в карьере своего подчиненного.

Но, по крайней мере, стала понятной задержка с отпуском. После боевой командировки, где срок службы исчисляется как «день за три», отпуск офицеру предоставляется, как за полтора года службы вне зависимости, участвовал ты в непрерывных боевых действиях, или же только по селам разъезжал, документы у местных жителей и их дома проверял в поисках кого-то из прячущихся бандитов, или же нес дежурство на административной границе двух республик, предотвращая межэтнические столкновения между жителями. Но даже проверка регистрации порой заставляла спецназовцев применять не только силу, но и хитрость. Обычно подобная операция называется «проверкой паспортного режима». А предотвращение межэтнических беспорядков вообще требовало немалых дипломатических способностей. Потому эти действия и приравнивались к боевым. И такой длительный отпуск, естественно, нарушает планы командования по формированию боеспособного подразделения. Вскоре должна вернуться из командировки разведрота, и новому командиру, естественно, следует принять ее не у старого командира, а

самостоятельно, что в реальности гораздо сложнее. Но Сергеев рассчитывал, что он сначала поможет Варфоломееву (который уже прибыл в батальон и пока в ожидании приказа находился в резерве батальона) быстро освоиться в разведроты, а уж потом будет добиваться отпуска. Или же соединит два отпуска в один, то есть отслужит еще год, а уж потом поедет домой к родителям на два с половиной месяца. Отец с матерью будут только довольны... И в хозяйстве можно успеть им помочь. Частный дом в деревне требует хлопот и мужских рук, а отец уже стар.

Вскоре рота вернулась.

Без своего командира она была в командировке только половину обычного срока. То есть три месяца вместо шести. И командование в Москве решило не менять командира роты на месте. Может быть, из опасения, что подобная практика может стать традицией, может быть, в Генеральном штабе кто-то воспротивился новому назревшему назначению.

После оглашения приговора военного трибунала сам бывший командир роты был просто счастлив, что отделался так легко, и вместо обещанного уже разжалования в рядовые и уволь-

нения из армии лишился только одной звездочки на каждом погоне и должности. Рад был этому и Сергеев, поскольку Варфоломеев активно помогал ему знакомиться с ротой. Более того, тот, даже не спросив согласия самого Сергея Николаевича, провел собрание офицеров роты, где доходчиво объяснил командирам взводов то, что они должны были знать и понимать и без его слов — все они служат в армии и подчиняются только приказам сверху. И раз командование решило, кого назначить командиром роты, то дело офицеров подчиниться этому приказу. И рассказал в нескольких словах о том, как старший лейтенант Сергеев спас его из плена в Сирии. Говоря по правде, Сергеев больше всего опасался как раз нежелания офицеров принять нового командира разведроты, когда старый оказался не у дел, хотя и находится здесь же. Конечно, он понимал, что его приказы будут выполняться, но подозревал, что выполняться они будут с откровенной ленцой и с прохладцей, что можно охарактеризовать как саботаж. К Варфоломееву в роте привыкли, его даже любили и офицеры, и солдаты. И новый командир роты мог бы почувствовать неприязненное отношение к нему воинского коллектива. Но сам старший лейте-

нант Варфоломеев, сняв по лишней звездочке с каждого погона, уже на следующий день после заседания военного трибунала как мог помогал Сергееву, хотя тот не торопился передать Варфоломееву свой взвод.

Так, после серьезного разговора с офицерами роты, Варфоломеев сообщил новому командиру:

— Все нормально прошло, не переживай, — и он дружески потрепал Сергея Николаевича по плечу. — Единственное, о чем хочу тебя предупредить, осторожнее со старшим лейтенантом Алексеем Севастьяновым. Вообще-то он, честно говоря, парень неплохой. И как офицер — тоже толковый. Это он, кстати, весь штаб бандитов расстрелял. Вместе с главой сельской администрации.

— Так ты ему приказал именно всех расстрелять или нет? — спросил Сергеев.

В ответ Варфоломеев только плечами пожал и отошел в сторону, не желая дальше продолжать разговор.

Сергеев уже знал, что командир взвода связи старший лейтенант Севастьянов должен получить звание капитана, в то время как командир роты, тогда еще капитан Варфоломеев, должен

был получить звание майора и уехать в другой батальон на должность начальника штаба, и Севастьянову уже была обещана должность командира разведроты, скорее всего, командиром бригады, который, как поговаривали, приходился дальним родственником жене Севастьянова. И Севастьянов получил бы эту должность, не вмешайся Москва...

И тогда уже не могли помочь все родственные связи и командира бригады полковника Осипенко, и начальника штаба бригады полковника Добровольского. Однако Сергеев сразу вбил себе с голову, что Севастьянов расстрелял заложника намеренно, чтобы убрать командира разведроты, понимая, что обвинят в преступлении именно того, кто отдал приказ о расстреле, и занять его место. И убедить нового командира роты в непричастности Севастьянова к этому делу было сложно. Сам Варфоломеев вернулся к разговору только некоторое время спустя.

— Помнишь, пару дней назад ты спрашивал, отдавал ли я приказ расстрелять главу сельской администрации?

— Помню... — отозвался Сергей Николаевич. Он действительно помнил свой вопрос, потому как не понимал, как мог такой опытный командир

разведроты отдать подобный приказ, и мысленно много раз к этому вопросу возвращался.

— Я ночами спать не могу, все пытаюсь вспомнить. На следствии Севастьянов сказал, что это я однозначно приказал всех расстрелять. Всех... И потому он отдал такой приказ солдатам. Но я не помню своих слов. Не помню, хоть убей, формулировку «всех», хотя мог так сказать, имея в виду одних бандитов. Однако мы до этого вместе с другими офицерами обсуждали ситуацию с заложником. При Севастьянове, кстати, обсуждали. Размышляли, как его спасти. Он должен был слышать. Он же даже какие-то реплики вставлял. Советы давал. Ведь от взвода связи осталось только название. Сам знаешь, связь давно уже совсем другая. Это солдаты к нам приходят после «учебки» радистами, а офицеры — они же чистые спецназовцы. Стопроцентные...

— Ты на следствии это сказал? — поинтересовался Сергеев.

— Передо мной стоял выбор. Или полное чистосердечное признание, или попытка свалить вину на другого, что вызовет и недоверие, и непонимание членов трибунала. И новое следствие, новую возню, которая может ничего и не дать. Но я это только что вот осознал. Раньше

как-то не задумывался. В итоге получилось, что я просто не подумал, что заложника могут держать в одной из комнат штаба. И именно в этой комнате его и застрелили... Так это в трибунал в виде протокола допроса и ушло. Дескать «с моих слов записано верно», и так далее... Хотя я сам протокол, честно говоря, и не читал. Только в трибунале и ознакомился.

— Зря ты так подставился. Протокол, как и любая фраза, имеет и начало, и конец. И многое зависит от того, как что читать. С какого конца. Я вот даже протоколы временных подчиненных читаю. Или их самих заставляю вслух перечитывать.

— Дело вкуса. Вот лично я вообще рукописный текст плохо разбираю. Да и следователь мне попался сочувствующий, понимающий... Не хотелось его против себя настраивать. А с «капризами» относительно протокола точно бы против себя настроил.

— Приговор не следователь выносит, а трибунал.

— Тем не менее приговор вынесли очень мягкий. Я думаю, это заслуга следователя.

— Или майора Одуванчикова, который на тебя такую характеристику накатал, что хоть завтра в

маршалы тебя производи... Это он мне лично так сказал. А ведь он сам, насколько мне известно, на испытательном сроке находится. И не побоялся, рискнул...

— Я отдаю должное майору Одуванчикову. Его характеристику на заседании трибунала зачитывали. Я даже сам не знал, что я такой хороший. Еле сдержался, чтобы не усмехнуться.

* * *

А на следующий день после этого разговора Варфоломеев не вышел на службу. Сергеев ждал его, намереваясь представить своему бывшему отдельному взводу нового командира. Правда, от взвода осталось всего ничего, чуть больше половины прежнего обстрелянного состава — только контрактники, ибо солдаты-призывники уже должны дома быть и водочку за праздничным столом попивать. А на их место Сергеев уже успел набрать новый состав призывников и надеялся, что новый командир сумеет их обучить так, что с ними не страшно будет пойти в бой.

Сергей Николаевич пытался дозвониться Варфоломееву домой, но никто не отвечал ни по городскому телефону, ни по сотовому, который вообще оказался отключенным, о чем сообщал

робот оператора сотовой связи. Офицеры роты говорили, что обычно Варфоломеев службу не прогуливал. Даже когда он внезапно заболел, то пришел на службу с температурой, и в медсанчасти батальона, куда он заглянул только за таблетками от головной боли, его отправили домой с требованием вызвать врача на дом. Однако в тот раз он чувствовал ответственность за роту.

Старший лейтенант Севастьянов дал Сергееву номер сотового телефона Ларисы Николаевны, жены Варфоломеева. Сергей Николаевич достал мобильник, чтобы позвонить ей, но в это время его телефон сам зазвонил. На дисплее высветился номер мобильника начальника штаба батальона майора Косолапова. Старший лейтенант ответил на вызов.

— Сергей Николаевич, ты на машине? — с ходу начал начальник штаба.

— Так точно, товарищ майор.

— Я к тому спрашиваю, что мог бы выделить тебе дежурную машину, если своей под рукой не окажется. Короче, тебя полковник Добровольский вызывает. Срочно. Он слово «срочно» два раза повторил. Поезжай, может, что в самом деле срочное. Не знаю уж, что там такое стряслось... Он вообще-то любит это слово «срочно»

употреблять. Уважь уж старика... Это я про полковника, не про себя.

Себя майор Косолапов в свои сорок с небольшим лет тоже частенько называл и стариком и причислял к «старой гвардии» и «старой школе», но это, как понимал Сергеев, от желания выглядеть солиднее.

На этом майор отключился связь.

Пришлось звонить Ларисе Николаевне отложить и быстро ехать в штаб бригады. Благо быструю езду старший лейтенант любил и ездить быстро умел. По дороге он обгонял другие машины и даже без проблем обогнал «уазик» командира бригады, хорошо помня о том, что полковник Осипенко тоже любит быструю езду и даже держит у себя в качестве водителя бывшего таксиста из сибирского города Черемхово как раз за то, что тот любит и умеет быстро ездить. Но «Мицубиси Паджеро Спорт» намного превосходит по своим скоростным качествам «уазик». Так что Сергеев не слишком гордился тем, что обогнал машину командира бригады.

В штаб он не вошел, а буквально ворвался, на ходу сообщив дежурному по штабу, что командир бригады полковник Осипенко едет следом

за ним. Дежурный капитан сидел за своим столом со множеством телефонных аппаратов, положив обе ноги на свободный стул перед собой, и спокойно дремал, но после сообщения Сергея Николаевича вскочил как ошпаренный, словно Осипенко шел следом за Сергеевым. Нрав комбрига, как и нрав начальника штаба, был известен всем офицерам штаба, и никто не желал нарываться на долгие нравоучения любого из полковников.

— Я к начальнику штаба, — сообщил Сергей Николаевич, уже подойдя к лестнице.

— Хрен редьки не слаще, — ответил дежурный негромко, но Сергеев услышал.

Уточнять, что эти слова значили, старший лейтенант не стал, хотя догадаться было нетрудно.

Он легко поднялся на третий этаж, в приемной застал адъютанта комбрига примерно в той же позе, что и дежурного по штабу. Повторил свое сообщение о скором прибытии полковника почти слово в слово, что и адъютанта тоже взволновало и заставило быстро повернуть офисное кресло к компьютеру и включить его.

Сергей Николаевич открыл первую дверь в кабинет Добровольского и постучал во вторую, после чего вошел.

— Эх тебя... — почти недовольно сказал полковник, — только недавно вроде бы вызвал, а ты уже здесь. Десяти минут еще не прошло.

— Современная мобильная связь, товарищ полковник, и современные средства передвижения сказываются...

— Да, — ворчливо произнес Добровольский. — Только мы, старики, никак к этому привыкнуть не можем. Все по-старинке живем... А давно пора бы уже привыкнуть. Как-никак, служим там, где жизнь сама к разным новинкам располагает. Как сейчас в Москве говорят, обязаны или адаптироваться, или на пенсию уходить. Я вот для себя последнее выбрал. Пора уже вам, молодым, дорогу уступать. Я вот что тебя вызвал, Сергей Николаевич...

С одной стороны, старшему лейтенанту было приятно, что начальник штаба бригады помнит его по имени-отчеству, но, с другой стороны, было в интонации Добровольского и что-то неприятное, слегка слащавое, подобно конфетке, размокшей в банке с солеными огурцами.

Начальник штаба взял со стола два листа бумаги. На верхнем старший лейтенант сумел, несмотря на расстояние, разобрать свой мелкий почерк и понял, что это его заявление на отпуск.